

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Ж.Г. Галиева

СОВРЕМЕННИК ИСТОРИИ, ИЛИ ЛЮБОВЬ И ГОЛОД МАРКА ТАЛОВА

[Рец. на: Талов М. Воспоминания; Стихи; Переводы / Предисл. Рене Герра; Сост. и комент. М.А. Таловой, Т.М. Таловой, А.Д. Чулковой. М.: МИК; Париж: Альбатрос, 2005. 248 с., с илл.]

*С расстрапанными волосами,
Небритый уж который день
И подгоняемый мечтами,
Брожу с мозгами набекрень.*

М. Талов. Школа жизни¹.

Без малого век прошел со дня выхода первой книги² поэта и переводчика Марка Талова, 1898 года рождения, проживавшего в Париже с 1913 г., в 1922 г. вернувшегося уже в Советскую Россию, – и вот в 2005 г. выходит всего лишь шестая его книга (многие материалы из которой впервые опубликованы), третья за новейший период. Между выходом последней прижизненной и первой посмертной прошло 68 лет – в 1990 году вышел в свет сборник переводов Малларме³, над которым Талов проработал 17 лет. Красноречивые даты и цифры, открывающие даже невооруженному глазу жестокость судьбы русского поэта в XX веке. Трагедия яркой личности, бежавшей от рабства и неистово тосковавшей по мировой культуре, – но столько точек пересечения со столь многими судьбами, что, кажется, вот-

вот увидишь, как на ладони, линии жизни русской литературы в век страха и трепета. Трагедия русского человека, бежавшего из одной трудно выносимой страны от издевательств русской армейской жизни⁴ и вернувшегося в другую вовсе не выносимую страну, где армейские порядки касаются не только военнообязанных.

Вышедшая в московском издательстве «МИК» при участии парижского издательства «Альбатрос» книга дает возможность читателю ознакомиться со всеми ипостасями литературной деятельности Марка Талова. В ней представлены его воспоминания, стихи разных лет, как парижского, так и московского периодов, а также переводы. Составители, вдова поэта М.А. Талова, дочь Т.М. Талова и А.Д. Чулкова, сопроводили сочинения Талова обширными и очень конструктивными примечаниями, раскрывающими скрытые мотивации, нюансы отношений, неочевидные обстоятельства его жизни, но главное, вводя ее в контекст эпохи. Здесь же попутно опубликованы материалы его переписки с русскими и французскими литераторами и художниками, фигурантами его воспоминаний. Вершина этого эпистолярного слоя – письмо Арсения Тарковского от 1965 г., написанное Талову «с тем, чтобы он передал это письмо любому издательству или лицу по своему усмотрению»⁵. Этим письмом, данной в нем очень высокой оценкой поэзии Талова, Тарковский хотел помочь изданию его поэтического сборника – увы, безуспешно, рукопись так и осталась в издательстве «Советский писатель».

В отдельном разделе «От составителей» дано описание использованных при издании источников – материалов для составления единого корпуса воспоминаний, рукописных томов стихов; указано, что публикуется впервые. К таким первым публикациям относится и главная изюминка книги: в приложениях опубликованы портреты Талова, созданные мастерами «парижской школы» живописи – Модильяни, Жанны Эбютерн, Гальена, Лагара, Симонта, Ретифа и др. Здесь же мы найдем почтовые открыт-

ки и дарственные надписи Мережковского, Бальмонта, Мандельштама, Ахматовой, членов «Палаты поэтов», французских поэтов, фотографии Марка Талова и его близких за разные периоды. Прибавим ко всему выше сказанному вступительную статью французского слависта и коллекционера Рене Герра с компетентной и адекватной оценкой личности и творчества Талова, а также прекрасное оформление, добросовестную корректуру и подробный именной указатель – и мы получим высококачественное издание, в котором все сделано для того, чтобы привлечь читателя к знакомству с почти неизвестным ему автором. При этом филолог-специалист по данному периоду также имеет все основания оставаться более чем довольным.

Воспоминания Талова – это именно проза, фотографически меткая, четкая, никакой лакировки, только стремительная штриховка. Главное, запечатлеть, не потерять, сохранить то, что исчезает из истории быстрее всего, ведь быт – это пена истории, как видится потомкам, но зачастую он и знак и причина истории. Его портреты современников выполнены в той же манере, в какой монпарнасские художники рисовали самого Талова: несколько линий углем или кистью – и вот уже человеческое лицо, ни с кем не спутаешь, не пройдешь мимо, оно дышит и говорит.

Талов начал писать книгу воспоминаний в 1926 г., по свежим впечатлениям о Париже, но быстро понял, что опубликовать ее не сможет, и прекратил работу над ней. Остальной корпус воспоминаний – это выдержки из дневников, отрывки о В.А. Антонове-Овсеенко, написанные по просьбе его сына, и о Эренбурге, также по просьбе семьи, рукопись о Модильяни и Жанне Эбютерн⁶. Кроме этого, составители использовали и устные рассказы Талова и его заметки в рабочих тетрадях. Эта мозаичность «Воспоминаний» не так заметна по стилю (разве что более поздние воспоминания более четко определены во времени), но отсветы позднего знания о дальнейшей судьбе описываемых лиц⁷, отбрасываемые на фрагменты о

более ранних событиях с их участием, создают особую двойную оптику этого уникального свидетельства. Часть воспоминаний написана уже на фоне оттепели 70-летним Таловым, получившим впервые возможность узнать о том, что стало с его друзьями и приятелями – одесскими, парижскими, берлинскими и московскими – в эпоху кровопролитий и умолчаний. Воспоминания Талова производят довольно странное впечатление – в них трудно найти предложение более чем на 2 строки и чей-либо портрет более чем на 2 страницы. Короткие, но не рубленые фразы, не для экспрессии, как будто конспекты жизни, как будто об этой жизни рассказывать так же эмоционально и ярко, как какой она и была, – это дурновкусие, напрасная тавтология. Но в эти же короткие фразы влагается конспект жизни совсем иной, Москвы 30-х и 40-х гг., и здесь места экспрессии нет, накал «Четвертой прозы» оказывается невозможным, уходит в глубину, констатация фактов, говорящих сами за себя.

На обложку книги, поверх литографии Я. Шапиро «Улей», вынесен список знаменитых персон, о которых можно прочесть в воспоминаниях Талова – Модильяни, Эбютерн, Жакоб, Сутин, Бальмонт, Ремизов, Мандельштам и др., а сверху – подзаголовок «Быт парижской богемы 1913–1922». Каждый здесь найдет что-то для себя – те, кто интересуется деталями биографии великих русских поэтов или французскими живописцами, или дореволюционными политическими эмигрантами. Но ни то, ни другое, ни третье не будет верным ракурсом – именно в густо перемешанном единстве разных ингредиентов Талов чувствует и преподносит нам особый вкус этого странного места в это странное время. Это книга не столько даже о Париже, русском или французском, не о сталинской Москве, это книга о том, что такое быть современником истории, что такое – когда История случается именно с тобой, и что происходит с людьми, когда они оказываются настигнутыми Историей.

И все-таки действительно описание Парижа 1913–1922 гг. – это наиболее цельный и яркий фрагмент, по отношению к которому Москва 30–60-х гг. – это последствия и развязки завязавшихся в эмиграции сюжетов. Мы часто навешиваем ярлык «богема» на что-то или скорее кого-то, подразумевая под этим какой-то вечный праздник духа, свободные профессии и еще более свободные нравы, общую антисоциальность и этакий шик таланта и невостребованности. В лучшем случае вспомним либретто одноименной оперы Пуччини и (а чаще – или) фильм «Полное затмение» о Верлене и Рембо (в исполнении Леонардо ди Каприо). То, что там все плохо кончилось, не избавит нас от легкой зависти к этой романтической среде. Марк Талов заставляет нас обратиться к реальности – нищее и голодное существование вечно пьяных художников и писателей, на грани безумия и суицида. Такими предстают обитатели знаменитого кафе «Ротонда», которому посвящены лучшие страницы воспоминаний Талова. Именно там сплетается этот красочный и жуткий клубок лиц и судеб – и никто не может предсказать, за какую ниточку потянет История, кто из всех этих гениев будет признан при жизни или хотя бы посмертно, а кто исчезнет навсегда, оставшись только в памяти случайных свидетелей, – и тогда перечитывая рассказы об этих невоплощенных тенях, мучительно не понимаешь – зачем?

Марка Талова История как раз и не вытянула – потому что потянула в другую сторону, на Родину, в бессмертье и молчание. А ведь могло быть совсем по-другому! После прочтения воспоминаний несостоявшееся исполнение «пророчества» Рене Герра ощущается как немыслимо возможное и единственно логичное: «Останься Талов в Париже, он, безусловно, стал бы видной поэтической фигурой русского Зарубежья и “Парижской ноты”, печатался бы в “Числах”, ходил бы в на “воскресенья” к Мережковским, посещал бы собрания “Зеленой лампы”. Благодаря своему отличному знанию французского языка он мог бы играть значительную роль

в попытке сближения русских писателей и философов с французскими в конце 20-х годов, когда начались “Франко-русские встречи” при участии *Н. Бердяева, Г. Газданова, Н. Берберовой, Г. Адамовича, В. Вейде, Б. Поплавского...*, а со стороны французов – *П. Валери, А. Мальро, Ж. Бернаноса, Г. Марселя, С. Фюме, Р. Лалу...»*⁸. Но этого не случилось. Кажется, права здесь и Т. Венедиктова, упоминая в своей статье в том числе и случай Марка Талова как характерный для отношения русской и европейской культур: «Может показаться: некий рок вмешивается в освоение российскими литераторами западной поэтической традиции, принимая вид то отвлекающих обстоятельств, то Чрезвычайной комиссии, то общественной и читательской апатии»⁹.

Пассаж о возможной роли в сближении двух культур нуждается в пояснении. Именно на примере Марка Талова видно, как непросто давалась тогда межкультурная коммуникация. Дело в том, что Марк Талов в Париже принял католичество и даже провел 2 месяца в францисканском монастыре¹⁰. И этот его шаг имел два важных последствия. Во-первых, русская эмиграция, еще до революции сильно идеологизированная, восприняла это как предательство, и Талов оказался практически в изоляции. Во-вторых, именно это и привело его к сближению с французской культурой: «Живя в Париже, я французского языка еще не знал, все время вращался в русском обществе. Со мною пробовала заниматься Елизавета Полонская. Она пыталась учить меня французскому по стихам А. Мицсе. Русский студент Грагеров учил по “Синей птице” Метерлинка. Здесь же, сдружившись с крестьянами, общаясь с духовенством, выучив наизусть катехизис, что требовалось для крещения, я заговорил по-французски, даже начал думать на этом языке. Дыша воздухом Франции, я начал впитывать в себя ее историю и культуру»¹¹.

Именно Модильяни, а не кто-то из русских поэтов, обратил внимание Талова на Малларме – это станет началом его переводческой деятельности.

ности. Кажется, одним из первых или, по крайней мере, наиболее успешно именно Талов представил свои стихи французской публике – авторизованные переводы на французский дали ему возможность публикации в крупнейших французских изданиях и были замечены критиками. Не менее успешно под конец сложилась его судьба и в русском Париже: его книги стихов заметил М. Слоним, его сравнивали с В. Сириным, он стал одним из идеологов «Гатарапака» и затем «Палаты поэтов», многие члены которой примкнули затем к поэзии «русского Монпарнаса» и кругу «Чисел».

Стихи Талова не случайно расположены после его воспоминаний – слишком близок лирический герой Талова к автобиографическому образу, слишком многое осталось бы непонятным без знания о том, что и любовь и голод, не только давшие название самой известной его книге, но и действительно ставшие вдохновительными Эросом и Танатосом его поэзии, имели место быть. Плотная убедительность стихотворных строк добыта жизнью, и читателя такие параллели не оставляют равнодушным:

Нет у меня ни имени, ни отчества,
Среди чужих людей в чужой стране,
Себя забыл я в горьком одиночестве,
Как холодно и неуютно мне.

Эти строки стали визитной карточкой Талова в эмиграции. Имя и отчество действительно исчезли, скрытые фамильярным прозвищем завсегдатаев «Ротонды» – «дядя Талов». «Ротонда» и «Улей», знаменитое обиталище художников, парижские чердаки и мастерские – место действия, время – обычно вечер-ночь, от кабацких радостей до истомленного бессонницей утра. Главная тема – все-таки голод, а не любовь. Любовь в парижский период предстает или как одна из беспощадных маний голодного транса (и тогда улыбка Джоконды в лучших блоковских традициях видится у «одной из ста обворожительниц “Ротонды”»¹²), либо как воплощение тоски по России (и это не менее автобиографично – в Одессе все 9 лет его

ждала невеста Эрнестина Сигизмундовна Ловенгардт, он женился на ней сразу же по возвращении).

Голод же оказывается всепроникающим, не припомнить разработки такой темы в русской поэзии, да и в русской литературе в целом – да, XX век оказался «щедрым» на страшный русский голод, но это всегда был голод именно всенародный, осознанный как историческая катастрофа. У Талова же голод – это индивидуальный универсум, это ответственность за личный выбор, потому и отношение к нему иное, с ним можно говорить, его можно замаливать, его можно просить: «Голод! Голод! / Отпусти душу на покаяние!..»¹³.

Пусть это было знаком принадлежности к совершенно определенной среде, к богеме, где голодали все, можно вспомнить и более ранний период – неустроенную юность русских литераторов-разночинцев. Но когда встречаешь в учебнике или чьих-то мемуарах фразы о том, как голодали Некрасов, Чернышевский и пр., к этому относишься как к исторической данности – среднегодовая температура тогда была такая-то, а русские писатели голодали. Талов же заставляет по-своему благополучного читателя *поверить*, почувствовать буквально на своей шкуре, что это такое – голод русского поэта. Этот эффект отметил и Арсений Тарковский в своем письме: «Достоинство лучших [Ваших. – Ж.Г.] стихов, что они производят впечатление видимости того, о чем Вы говорите, в повышенной осозаемости поведанного. Читатель их – не второе или третье, а как бы первое лицо, он сливаются с автором и кожей чувствует вместе с Вами – сочувствует [подчеркнуто в тексте. – Ж.Г.]»¹⁴.

Голод вводит еще две доминанты поэзии Талова:

Кто-то сказал мне:

– «Ты – нищий!»

А другой, с ним шедший:

– «Ты – пьяница!»¹⁵

И то и другое – правда, как признает Талов в следующих строках. Деньги становятся средством испытания судьбы – так, стихотворение «Счастливая находка», посвященное 5-франковой купюре, интонировано как описание чуда. «Зеленому змию» (причем буквально зеленому) тоже хватает места:

Нет! – От абсента на ногах
Едва держась, я зашатался
И со слезами на глазах
Со столиком поцеловался.

Говорить о поэзии Талова как о едином целом с оформленной системой образов и мотивов довольно сложно – в книге представлены лишь некоторые фрагменты из циклов. Можно лишь сказать, что позднее, московское, творчество Талова на фоне парижской экспрессии и тематики, выглядит несколько более бледно – тем более, что в основном оно обращено все к тому же Парижу (возможно, это впечатление – лишь следствие стратегии составителей книги) и все более тяготеет к лироэпике, к рассказу или портрету в стихах.

Еще сложнее говорить о переводах – билингвистическое издание показало бы их качество гораздо убедительнее (также было бы интересно увидеть авторизованные переводы стихов самого Талова). Поэтому можно лишь уточнить, что составители отобрали для книги переводы из Пьера де Ронсара, Стефана Малларме, Джона Китса, Джона Байрона, Анхела де Сааведра де Риваса и Галактиона Табидзе¹⁶.

Эта уникальная книга уже выполняет свое заложенное составителями предназначение – служит возобновлению интереса к личности и творчеству Марка Талова. Так, за последнее время прошло уже несколько успешных презентаций, на книгу откликнулись рецензенты многих солидных изданий¹⁷. Совершенно очевидно, что воспоминания Талова должны быть рекомендованы в качестве дополнительной литературы по истории

курсу литературы Русского Зарубежья, а новые исследования о русском Париже не смогут обойти вниманием не только столь видного персонажа его литературной жизни, но и творчество самобытного поэта, явно оказавшего влияние на знаменитое «незамеченное поколение».

¹ Талов М. Школа жизни // Талов М. Воспоминания; Стихи; Переводы. М.; Париж, 2005. С. 135.

² Талов М. Чаша вечерняя. Одесса, 1912.

³ Малларме С. Собрание стихотворений / Переложил М. Талов. М., 1990.

⁴ Талов бежал из России из-за пощечины, полученной от унтер-офицера во время службы по призыву. Достаточно беглого прочтения пассажа об армейской службе, особенно для евреев, из «Полугораглазого стрельца» Бенедикта Лившица, чтобы оценить, сколь серьезны были у Талова основания для эмиграции.

⁵ Талов М. Воспоминания; Стихи; Переводы. С. 229.

⁶ Использованы в монографии В.Я. Виленкина «Амедео Модильяни» (М., 1970) – Талов активно помогал ему в работе над этой книгой.

⁷ Зачастую Талов узнает о ней спустя десятилетия – только в эпоху «оттепели» он получает возможность переписываться с оставшимися в Париже друзьями, тогда же проясняется судьба вернувшихся в Россию эмигрантов и репрессированных московских знакомых.

⁸ См.: Талов М. Воспоминания; Стихи; Переводы. С. 8.

⁹ Венедиктова Т. «...я пил с Эдгаром По?» (поэтическая рецепция по-русски) // Новое литературное обозрение: электронный журнал [Электронный ресурс]. Электронные данные. [М.], 2000. Режим доступа: <http://nlo.magazine.ru/archive/71.html>, свободный. Заглавие с экрана. Данные соответствуют 8.09.2006.

¹⁰ Переход Талова в католичество еще больше подкрепляет сходство его судьбы с судьбой австрийского прозаика Йозефа Рота, оказавшегося в Париже уже в 30-е годы, – его новелла «Легенда о святом пьянице» обнаруживает поразительные линии пересечения с кругом тем и жизненных обстоятельств забытого русского поэта. У немецкого и русского Парижа оказалось очень много общего, видимо, потому что Париж накладывает свой обязательный отпечаток на жизни заброшенных в него изгнанников из разных культур – и неважно, заглушают ли они свое изгнание и нищету абсентом или перно.

¹¹ Талов М. Воспоминания; Стихи; Переводы. С. 38.

¹² В воспоминаниях Талов рассказывает о том, какую роль «жрицы любви», по легенде, сыграли при основании «Ротонды» – ее хозяин мсье Либион за бесплатное питание попросил их привести в его кафе всех художников и поэтов Монпарнаса...

¹³ Талов М. Воспоминания; Стихи; Переводы. С. 111.

¹⁴ Там же. С. 230.

¹⁵ Там же. С. 90. Насколько характерна такая самоидентификация для Талова, говорит название стихотворения – «Каждый день».

¹⁶ За переводы грузинских поэтов и стихи, посвященные Табидзе и Пирсмани, Талова особенно любили в Грузии – именно в Союзе писателей Грузии Талов впервые публично выступил со своими стихами в СССР.

¹⁷ Например, в четвертом номере «Нового мира» за 2006 г. опубликована рецензия Станислава Айдиняна.